

M. Wachtel, *Russian Symbolism and Literary Tradition (Goethe, Novalis and the Poetics of Vyacheslav Ivanov)*, The University of Wisconsin Press, 1994, 260 p.

Заглавие этой книги формулирует серьезную теоретическую проблему, которую историки русской литературы нередко игнорируют, сопровождая ее мифическим "будущим исследователям". Подзаголовок переводит вопрос в облюбованную "литературоведением факта" литературно-историческую плоскость, монотонный ландшафт которой нарушается лишь словом "The Poetics". В сущности, написанная книга больше относится к подзаголовку, чем к заглавию (компетентная, но несколько инородная в тексте полемика с Харальдом Блумом – не в счет). Однако книга М. Вахтеля – не свод информации о Гете и Новалисе у Вячеслава Иванова, не каталог "заимствований и влияний", но цельное и убедительное научное произведение. Ради стройности замысла автор жертвует незыблемым принципом полноты фактического материала, исключая из рассмотрения ивановский перевод "Prometheus's" Гете ("it reveals of Ivanov's creative interest in Goethe"); не шеголюет он и знанием архивных материалов, отмеряя их скупой и обдуманно.

Помимо уже упомянутой дискуссии с Блумом, во вступлении ("Introduction") Вахтель вкратце излагает историю русского германофильства, напоминая читателю переводческую деятельность Жуковского, гегельянство двадцатых годов XIX века и многие другие эпизоды. Вахтель вполне отдает себе отчет в том, сколь мало русские шеллинги, канты и ницше походили на их немецкие образцы (см., напр.: "As Bely's 'strong misreading' suggests, Symbolist reception contained a marked creative component"). Наиболее интересная часть введения рисует контуры темы "Вячеслав Иванов и немецкая культура". Здесь Вахтелю удается в немногих словах сказать многое и о студенческих занятиях Иванова немецкой литературой, и о его неприятии к неокантианству и безразличии к немецкой поэзии XX века, и, наконец, о том преодолении русского эмигрантского комплекса, которым отличалась многосторонняя и многоязычная деятельность Иванова в 20-е–30-е годы.

После завершения "рамочной" части в главе 1 ("The Years of Apprenticeship: Vyacheslav Ivanov's *Lehrjahre*") начинается кропотливая приросковка одной из двух основных линий исследования – "Гете и поэтика Вячеслава Иванова". Своего рода предысторией оказывается здесь "Русский Фауст" (1887), ученическая вариация на гетевскую тему с неожиданными аллюзиями на "Бориса Годунова". В творчество Иванова, аргюги зрелое и враждебное к хронологии, "Русский Фауст" вмещается с трудом: "It is curious that Ivanov focuses intently on the opening scenes of *Faust*. Already in *Pilot Stars* ("Кормчие Звезды" (1903), первая поэтическая книга Иванова – К. П.) he displays a marked preference for the mystical, lyrical, less plot oriented part of Goethe's *Faust*". Следующий "гетеанский" текст – стихотворение 1899 г. – также скорее наследует Тютчеву и Баратын-

скому, нежели выражает Ивана́ва. Как показывает Вахтель, Гете входит в творческую биографию Иванова не через переводы и панегирики, но через драматические отношения с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. Вполне по-символистски Иванов превращает тексты в творческие и жизненные установки, оглядываясь на Гете и в итальянском путешествии, и в сочинении "Кормчих звезд".

Вторая глава ("Ivanov's Bride of Corinth: Introduction to a Syncretic Poetics") показывает Иванова уже во всеоружии поэтического и критического мастерства. Демонстрирует мастерство и его интерпретатор, дешифруя субтекст гетевской баллады в стихах и прозе, никак эксплицитно на Гете не указывающих. Диапазон выявляемых реминисценций (от "relatively simple use of intertextuality" до "specific motivic and overarching symbolic echoes") позволяет реально ощутить глубину и многослойность поэтического мира Иванова. Углубленный текстуальный анализ в третьей главе ("Faust and Ivanov's Conception of the Symbol") сменяется выяснением философской подоплеку мифотворческого сближения Гете и В. Иванова. Интерконцептуальным звеном здесь (как часто и ниже) оказывается В.С. Соловьев, именующийся "неоплатоником". Неоплатонизм понимается автором так широко ("Ivanov's worldview is essentially Neo-Platonic, based on a dualism between the phenomenal and noumenal worlds"), что в его широкое русло, наряду с Ивановым, попадают не только все символисты, но и большинство их поэтических и философских предшественников. Но вслед за общим выявляется и частное – детально продуманная Ивановым концепция "реалистического символизма". В борьбе с хронократической догматизацией творчества Иванов переводит знаменитое гетевское "Gleichnis" как "символ" – "realia", но не "realiora"... В следующей главе ("Faustian Allusions in *Pilot Stars, Transparency and Tender Mystery*") М. Вахтель показывает, какие изменения претерпевают основные понятия гетевской эстетики и натурфилософии, ассимилируясь в художественном мире Иванова. Несхожее сходство гетевского "Abglanz" и ивановского "отзвук" – лишь один из многих параллельных рядов, выявленных автором книги.

Вторая часть книги ("Ivanov i Novalis") в самом начале обнаруживает резкое несходство с первой. Ивановские переводы из Гете показались автору для рассматриваемой темы малосущественными, переводы из Новалиса, напротив – наиболее существенными: "Completed in a mere two month during a time of personal crisis, they served as a defining moment in Ivanov's poetic and spiritual development". Как и Гете, Новалис был востребован русской культуре по крайней мере со времени Жуковского, но мистический импульс его поэзии был востребован и задействован в эстетических спорах лишь в начале XX в. Приводимый в книге список переводчиков, интерпретаторов, пропагандистов Новалиса весьма внушителен, но по словам Вахтеля, "no one took more serious steps to propagandize Novalis than Vyacheslav Ivanov". Чтобы стать авторитетными в символической системе ценностей, переводы из Новалиса должны были стать не только творческой удачей, но и жизненной правдой их автора. Для этого, в свою очередь, лексика, стилистика, а подчас и топика Новалиса должны были измениться, применяясь к требованиям эстетики и поэтики Ива-

нова. Эффективный пример этого приспособления – сравнение чернового (более точного!) и белого вариантов перевода "Geistliche Lieder": в последнем появляется отсутствующее в оригинале, но чрезвычайно важное для Иванова слово-понятие "лик" (см., к примеру, его статью "Лик и личина").

Исследование личности Иванова в переводах из Новалиса продолжается в следующей главе ("Zhiznetvorchestvo: the Conflation of Art and Life"). М. Вахтель не разделяет присущей многим авторам наивной приверженности своим персонажам и безразличия к другим параллельным явлениям: он, например, не отказывается видеть в отношениях Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал черты диалога Данте и Беатриче. Однако первоочередное внимание привлекают, конечно, параллели, отсылающие к творчеству Новалиса и романтической легенды о нем, созданной Л. Тиком и подхваченной Ивановым. В следующей главе ("Beyond Translation: Novalis as a Source for Ivanov's Poetry") выявление следов влияния Новалиса продолжается уже за пределами перевода. Разговор, таким образом, возвращается к рекуррентности основных мотивов ивановской эстетики: говоря о стихотворении Иванова "Веси" с эпиграфом из Новалиса, Вахтель отмечает, что "most of the allusions to 'Liebeszählen, Liebesflammen' refer not directly to Novalis, but rather to Ivanov's own Novalis translation".

Значительный интерес представляет заключительная глава книги ("Metrical Semantics and the Hymns to the Night"). Зачастую рассуждения о семантике метра в историко-литературных исследованиях сводятся лишь к сличению метрико-тематических особенностей анализируемых текстов с известными "шаблонами" М.Л. Гаспарова и К.Ф. Тарановского. Вместо этого малопродуктивного занятия Вахтель вновь обращается к смысловым различиям двух художественных систем, скрытым под маской эквиметричности.

Заключение ("Conclusion") подводит итоги кропотливого и плодотворного анализа: "Ivanov's reception of Goethe and Novalis represents an essentially agglutinative approach to tradition. For Ivanov, these writers were classics not only because they comprehended and expressed certain fundamental truths, but also by virtue of the powerful they gave to future generations". Вывод может показаться скромнее предлагаемого ему труда, но такова уж творческая манера автора: вкус, чувство формы и верность замыслу позволили ему сделать анализ сложных проблем легким для чтения. Дело читателя – пройти весь путь вместе с автором, не соблазнившись легкостью поверхностного восприятия этой серьезной и увлекательной книги.

К.Ю. Постоутенко